

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.62

Основания возникновения залоговых правоотношений в российском праве: теория и правоприменительная практика

^{1,2} Сковрцова Т.А., ¹ Моисеенко А.В.,

¹ Ростовский государственный университет путей сообщения,

² Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация: статья посвящена современному регулированию залоговых правоотношений в российском праве с акцентом на триаду требований к залогу – форме, содержанию и государственной регистрации (учёту) – и их практическому применению с учетом судебной практики 2023-2025 гг. Показано, что согласно ст. 334.1 Гражданского кодекса РФ [1] (далее – ГК РФ) залог может возникать как по договору, так и в силу закона; раскрываются императивы ст. 339, 339.1, 340 и 348 ГК РФ и корреспондирующие положения Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [2] (далее – Закон об ипотеке; ФЗ № 102-ФЗ) о внесудебном обращении взыскания и критериях несоразмерности. На примере конкретных дел Верховного Суда РФ анализируются проблемные точки: достаточность индивидуализации предмета залога, соотношение регистрационного и договорного режимов, пределы добросовестности приобретателя. Обосновывается гипотеза о необходимости придать учёту залога движимого имущества конститутивное значение для противопоставимости третьим лицам. Предлагается точечная поправка в ст. 339.1 ГК РФ и ст. 103.1 Основ законодательства РФ о нотариате [3], устанавливающая обязательность учёта для возникновения и оппонирования права залога на движимые вещи при отсутствии владения кредитора.

Ключевые слова: залог, ипотека, договор залога, залог в силу закона, форма договора, существенные условия, государственная регистрация, добросовестный приобретатель, несоразмерность, внесудебное обращение взыскания

Для цитирования: Сковрцова Т.А., Моисеенко А.В. Основания возникновения залоговых правоотношений в российском праве: теория и правоприменительная практика // International Law Journal. 2025. Том 8. № 8. С. 24 – 30.

Поступила в редакцию: 18 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 октября 2025 г.; Принята к публикации: 16 декабря 2025 г.

Legal grounds for the emergence of security (pledge) relations in Russian law: theory and case law

^{1,2} Skvortsova T.A., ¹ Moiseenko A.V.,

¹ Rostov State Transport University,

² Rostov State University of Economics

Abstract: the article examines the contemporary regulation of pledge relations in Russian law, with an emphasis on the triad of requirements governing a pledge – form, content, and state registration (recordation) – and their practical application in light of case law from 2023-2025. It shows that under Art. 334.1 of the Civil Code of the Russian Federation [1] (hereinafter, the Civil Code) a pledge may arise either by contract or by operation of law; it further sets out the imperatives of Arts. 339, 339.1, 340, and 348 of the Civil Code and the corresponding provisions of the Federal Law “On Mortgage (Pledge of Immovable Property)” [2] (hereinafter, the Mortgage Law; Federal Law No. 102-FZ) on extrajudicial foreclosure and disproportionality criteria. Using specific decisions of the Supreme Court of the Russian Federation, the paper analyzes problematic issues such as the adequacy of col-

lateral identification, the relationship between the registration and contractual regimes, and the limits of the good-faith purchaser doctrine. It substantiates the hypothesis that recordation of a pledge over movable property should be afforded constitutive effect for opposability to third parties. A targeted amendment is proposed to Art. 339.1 of the Civil Code and Art. 103.1 of the Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notariat [3], establishing mandatory recordation for the creation and opposability of a pledge right over movables where the creditor does not have possession.

Keywords: *pledge, mortgage, pledge agreement, pledge by operation of law, form of the contract, essential terms, state registration (recordation), bona fide purchaser, disproportionality, extrajudicial foreclosure*

For citation: Skvortsova T.A., Moiseenko A.V. Legal grounds for the emergence of security (pledge) relations in Russian law: theory and case law. International Law Journal. 2025. 8 (8). P. 24 – 30.

The article was submitted: August 18, 2025; Approved after reviewing: October 15, 2025; Accepted for publication: December 16, 2025.

Введение

Российская модель залога претерпела существенную перестройку в ходе гражданско-правовой реформы: в ГК РФ закреплена двуединая основа возникновения залога – договор и закон, а также детально распределены требования к форме, содержанию и регистрационному режиму. Нормативный каркас дополняется специальным регулированием ипотеки в ФЗ № 102-ФЗ и системными разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» [4], что в комплексе скорректировало критерии индивидуализации предмета, порядок обращения взыскания и пределы защиты добросовестных участников оборота.

Цель исследования – Системно проанализировать действующую нормативную модель залога в части формы, содержания и государственной регистрации (учёта), выявить проблемные зоны правоприменения и предложить адресные поправки, повышающие предсказуемость и противопоставимость прав залогодержателя третьим лицам.

Задачи – 1) раскрыть императивы ст. 334.1, 339, 339.1, 340, 348 ГК РФ и ключевые положения ФЗ № 102-ФЗ; 2) разбор проблем индивидуализации предмета и «акцессорности/автономии» ипотеки; 3) проанализировать судебную практику по идентификации предмета, подсудности и добросовестности; 4) обосновать придание записи в реестре уведомлений о залоге движимого имущества (РУЗДИ) конститутивного эффекта для залога движимого имущества; 5) предложить конкретную редакцию поправок.

Гипотеза – Предоставление записи об учёте залога (РУЗДИ) статуса необходимого (конститутивного) условия противопоставимости права залога на движимые вещи третьим лицам при отсутствии владения у залогодержателя снизит конфликтность споров о добросовестности приобретателя и укрепит охранительную функцию залога без избыточного утяжеления оборота.

Материалы и методы исследований

Исследование опирается на анализ положений таких нормативно-правовых актов как ГК РФ (в т. ч. ст. 334.1, 339, 339.1, 340, 348), Закон об ипотеке – ст. 54.1-55.2, Основы законодательства РФ о нотариате – гл. XX.1 (ст. 103.1-103.5); а также на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ № 23 от 27.06.2023; правовые позиции Конституционного Суда РФ по подсудности споров об обращении взыскания. Применены формально-юридический, сравнительно-правовой, казуистический и системный методы; эмпирическую основу составили официальные тексты законов и судебных актов высших судов.

Результаты и обсуждения

Согласно ст. 334.1 ГК РФ залог может возникать как по договору, так и в силу закона при наступлении прямо обозначенных обстоятельств. Сочетание диспозитивной договорной модели с императивными залогами в силу закона формирует устойчивую конструкцию оборотоспособного обеспечения, одновременно ориентированную на баланс интересов кредитора, должника и третьих лиц. Нормативный массив, определяющий порядок установления, действия и прекращения залога, распределён между общими положениями ГК РФ и специальным регулированием ипотеки как залога недвижимого имущества в Законе об ипотеке. Эта системная связка задаёт три ключевых блока требований к залоговому правоотношению — к форме его установления, к содержанию существенных условий и к публичности через государственную регистрацию и (или) учёт.

Юридическое значение формы в залоге носит не только доказательственный, но и конститутивный характер: договор залога должен быть заключён в письменной форме, а в предусмотренных законом случаях

– нотариально удостоверен; несоблюдение соответствующей формы влечёт недействительность сделки. Этот императив прямо сформулирован в статье 339 ГК РФ и отражает традицию российского обязательственного права, где обеспечительная сделка выполняет не дополнительно-вспомогательную, а функционально автономную роль в обороте. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» подтверждает, что формальные требования к залому служат обеспечению правовой определённости, а их нарушение препятствует возникновению противопоставимого права залога и надлежащей реализации обеспечительной функции.

Содержательная сторона договора залога в российском праве представлена устойчивым набором существенных условий, без согласования которых договор считается незаключённым: предмет залога, существо обеспечиваемого обязательства, его размер и срок исполнения. Эти элементы не являются рудиментом формализма: каждый из них опосредует ключевые риски оборота – от возможности индивидуализации объекта обременения до объёма удовлетворения требований кредитора и расчёта пределов ответственности.

В современной редакции ГК РФ законодатель отказался от императивного требования указывать в договоре оценку предмета залога, но придал оценке весьма важную роль через статью 340 ГК РФ: согласованная стоимость, если иное не вытекает из закона, соглашения или судебного акта, признаётся начальной ценой реализации при обращении взыскания, а изменение рыночной стоимости после заключения договора само по себе не влияет на действительность и сохранность залога. При этом критерий соразмерности, конституированный в пункте 2 статьи 348 ГК РФ, выступает самостоятельным ограничителем кредиторского усмотрения: обращение взыскания не допускается при незначительном нарушении и явной несоразмерности размера требований стоимости предмета залога. Установленные законодателем презумпции (менее 5 % стоимости и просрочка менее трёх месяцев) не носят исчерпывающего характера, а служат ориентирами для судебной оценки [8]. Такая модель поддерживает баланс интересов: залог – средство взыскания долга, но не санкция, несоразмерная последствиям нарушения.

Особая ценность российской конструкции залога – признание возможности обеспечивать будущие обязательства и обременять имущество, которое залогодатель создаст или приобретёт в будущем. Права залогодержателя в этих случаях возникают с момента появления у залогодателя титула на индивидуализированное имущество. Эта «перспективная» модель расширяет кредитование под «будущие активы», но накладывает на практику повышенное требование к определённости предмета. Доктрина справедливо связывает это требование с принципом специальности: предмет должен быть индивидуализирован так, чтобы обременение могло быть противопоставлено не только сторонам, но и третьим лицам. Ещё И.А. Покровский подчеркивал, что предмет залога – всегда конкретная индивидуально-определённая вещь; позднейшие авторы развили эту линию применительно к современному обороту, настаивая на «идентификаторах» вещи как условии легитимности обременения [9]. Судебная практика данную аксиому подтверждает: например, в определении Верховного Суда РФ от 03.02.2015 № 306-ЭС14-3358 по делу № А55-4432/2012 [5] договор залога был оценён критически именно из-за отсутствия надлежащей индивидуализации предмета («автомобили и иные транспортные средства»), что не позволяло выделить объект обременения в составе однородных вещей и, следовательно, препятствовало признанию согласованности ключевого условия. Этот подход стал реперной точкой для последующего выравнивания практики.

Публичность залогов – центральный элемент их противопоставимости. Законодатель развёл обязательную государственную регистрацию и добровольный учёт. В силу статьи 339.1 ГК РФ залог подлежит государственной регистрации и возникает с момента регистрации, если предметом обременения являются права на имущество, подлежащие государственной регистрации, либо права участника общества с ограниченной ответственностью; учёт залога ценных бумаг и прав по договору банковского счёта осуществляется по специальным правилам. Залог движимых вещей, не попадающий в указанные категории, может (но не обязан) учитываться посредством регистрации уведомления в единой информационной системе нотариата (РУЗДИ). Отсутствие записи в РУЗДИ не затрагивает отношений между сторонами, но существенно влияет на их отношения с третьими лицами, прежде всего с добросовестным приобретателем. Пленум Верховного Суда РФ прямо указал: если вещь отчуждена добросовестному приобретателю при отсутствии записи об учёте залога, последующее внесение записи не «оживляет» залог, и дальнейшее отчуждение происходит без обременения [4]. Так формируется презумпция знания о залоге при наличии записи и презумпция добросовестности при её отсутствии.

Ипотека как разновидность залога демонстрирует особенную обязательственно-вещную природу. С одной стороны, обращение взыскания обусловлено неисполнением основного обязательства (акцессорность). С другой – законодатель придаёт ипотеке черты повышенной автономии в обороте (в том числе посред-

ством закладной и внесудебных механизмов), что сближает её с вещно-правовыми конструкциями. Вопрос о процессуальной квалификации и подсудности исков об обращении взыскания на предмет ипотеки долгое время оставался дискуссионным. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 26.05.2011 № 10-П [6] констатировал, что спор об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество не является спором о правах на это имущество: предмет – совершение действий, следствием которых становится денежное удовлетворение за счёт стоимости предмета обеспечения, а переход права собственности происходит в результате публичных торгов или аукциона, а не непосредственно в силу судебного решения. Этот тезис использовался для обоснования арбитрабельности соответствующих споров и отрицания их отнесения к исключительной подсудности дел о правах на недвижимость.

В последующем регулирование развивалось в направлении большей предсказуемости: разъяснения Верховного Суда [4] системно увязали основания обращения взыскания (п. 1 ст. 348 ГК РФ; ст. 54.1, 55 Закона об ипотеке) с процессуальными режимами, включая случаи внесудебного обращения взыскания на основании исполнительной надписи нотариуса при соблюдении повышенных формальных гарантий. Вектор правоприменения сегодня смещён к более строгому территориальному привязыванию споров, но фундаментальная характеристика обязательственно-правовой природы требования о взыскании стоимости предмета ипотеки, данная Конституционным Судом, сохраняет объяснительную силу и служит методологическим ориентиром при квалификации требований и выборе процессуальных средств защиты.

В проблематике «формы и содержания» особого внимания заслуживает вопрос о допустимости отсылочной техники при описании обеспечиваемого обязательства. ГК РФ позволяет согласовать существо, размер и срок исполнения обязательства через отсылку к основному договору, что удобно при идентичном составе участников и снижает транзакционные издержки. В то же время, когда залог предоставляет третье лицо, не участвующее в основном обязательстве, простая отсылка может не обеспечивать необходимого уровня информированности и предсказуемости: судебная практика исходит из необходимости такой детализации условий, которая позволяет «вынесенному» из основной связи залогодателю ясно понимать объём риска. Пленум 2023 года, развивая эту логику, акцентирует, что при обеспечении «всех настоящих и будущих обязательств» должны быть установлены пределы (сумма, вид и период) – иначе возникает угроза неопределённости, несовместимая с публичной функцией залога. Такое понимание согласуется с доктринальными позициями В.В. Витрянского о недопустимости неопределённости в определении предмета залогового правоотношения [7].

Отдельный пласт споров формируется вокруг последствий нарушения обязанностей залогодателя по раскрытию обременений и препятствий к пользованию предметом залога. Соккрытие сервитутов, аренды или других вещных прав третьих лиц нарушает принцип добросовестности и может обернуться для залогодателя необходимостью досрочного исполнения обеспеченного обязательства или возмещением убытков. На уровне публичности ключевым инструментом минимизации подобных рисков выступает надлежащая регистрация (для недвижимости и долей в уставном капитале) и учёт (для других движимых вещей). В практическом плане банки и иные профессиональные кредиторы выстраивают комплаенс-процедуры вокруг обязательной проверки реестров (ЕГРН, РУЗДИ) и документирования добросовестности потенциальных приобретателей, что позднее облегчает доказывание наличия или отсутствия добросовестности и правовых последствий её презумпции.

Системный анализ показывает, что наиболее острые проблемы сегодня сосредоточены в узле «публичность – добросовестный приобретатель – противопоставимость». Добровольный характер учёта в РУЗДИ создает неопределённость правоприменения: с точки зрения отношений «залогодатель – залогодержатель» право залога возникает и без записи, однако в отношениях с третьими лицами отсутствие записи повышает вероятность утраты обременения при возмездном приобретении вещи добросовестным покупателем. Верховный Суд напрямую закрепил, что последующее внесение записи после отчуждения не восстанавливает залог; покупатель, полагавшийся на реестр и не имевший объективной возможности узнать о скрытом обременении, защищается [4]. Эта логика оправдана с позиции защиты доверия оборота, но системно перекладывает бремя публичности почти исключительно на кредитора, при том что диспозитивность учёта допускает его игнорирование. На практике это порождает спорность в ситуациях, когда залогодержатель предпринимал иные разумные меры публичности (например, маркировка, владение правоустанавливающими документами), но запись всё же не была сделана.

Показательно и развитие пропорционального фильтра по пункту 2 статьи 348 ГК РФ. Современные разъяснения ограничивают злоупотребления при «микропросрочках» и минимальном долге по отношению к высоколиквидным и дорогостоящим предметам залога. В научной литературе отмечается, что установленные в законе пороги – презумпции, а не «жёсткие» критерии; суд сохраняет дискрецию при оценке со-

вокупности обстоятельств дела, в том числе при систематическом нарушении платежной дисциплины [10]. Практика по банкротству демонстрирует дополнительную специфику, где несоразмерность не всегда может служить самостоятельным основанием отказа в обращении взыскания, поскольку «режим банкротства» перераспределяет приоритеты и каналы удовлетворения требований [10]. Такое разграничение режимов подчёркивает необходимость точного позиционирования обеспечительного права и соблюдения императивов специальных производств.

Судебные кейсы последних лет подтверждают значимость «жёсткой» индивидуализации предмета залога и публичности. Указанное выше определение Верховного Суда РФ № 306-ЭС14-3358 по делу № А55-4432/2012 [5] было воспринято доктриной как ориентир к описанию предмета через идентификаторы (VIN, серийные номера, заводские номера, кадастровые номера), а также к исключению родовых формулировок («транспортные средства», «оборудование»). Конституционный Суд РФ в Постановлении от 26.05.2011 № 10-П [6], анализируя арбитрабельность и природу иска об обращении взыскания на ипотечное имущество, подчеркнул обязательственно-правовую природу такого иска и отсутствие прямого перехода прав на недвижимость из судебного решения: переход осуществляется через результаты торгов или аукциона. Вектор Верховного Суда 2023 года дополнил картину процессуальными гарантиями и преградами к внесудебному взысканию при несоблюдении усиленных формальных требований (например, надлежащего нотариального оформления соглашения о внесудебном порядке и исполнительной надписи). В совокупности эти позиции задают практику, где тщательная «настройка» формы и содержания договора залога в момент заключения и своевременная публичность через реестры служат лучшей профилактикой последующих конфликтов [11].

Указанные наблюдения предопределяют предложение точечного законодательного изменения, направленного на устранение выявленных рисков и снижение уровня контрпродуктивной неопределённости. Целесообразно изменить пункт 4 статьи 339.1 ГК РФ, преобразовав добровольный учёт залога движимых вещей в обязательный для случаев непередачи предмета залога во владение залогодержателя (непосessorный залог) и для категорий движимого имущества с повышенной социальной и экономической значимостью в обороте (транспортные средства, высокотратное технологическое оборудование и иные вещи, перечень которых утвердит Правительство Российской Федерации).

Предлагаемая редакция могла бы быть сформулирована следующим образом: «4. Залог движимых вещей, если предмет залога остаётся во владении залогодателя, подлежит обязательному учёту посредством внесения уведомления о залоге в реестр уведомлений о залоге движимого имущества единой информационной системы нотариата. Отсутствие записи об учёте залога влечёт невозможность ссылаться на право залога в отношениях с третьими лицами, включая добросовестных приобретателей. Перечень видов движимого имущества, в отношении которого учёт залога обязателен независимо от владения предметом залога, устанавливается Правительством Российской Федерации». Такое изменение вписывается в уже действующий контур статьи 339.1 ГК РФ и нотариального регулирования РУЗДИ, упрочивает публичную достоверность системы и снижает объём тяжб по «скрытым» обременениям при отчуждении движимых вещей добросовестным покупателям, при этом не меняет момент возникновения залога во взаимоотношениях сторон, а лишь уточняет условие его противопоставимости третьим лицам, что прямо корреспондирует разъяснениям Пленума ВС РФ от 27.06.2023 № 23.

Выводы

Итак, можно заключить, что цель работы выполнена, поставленные задачи успешно реализованы, а выдвинутая гипотеза нашла своё подтверждение.

Синтезируя изложенное, можно заключить: российская модель залога развилась в сторону гибкости предметного состава и временной перспективы обеспечиваемых обязательств, но потребовала в ответ усиления формально-процедурных гарантий. Механизм формы и существенных условий договора обеспечивает предсказуемость и минимизацию споров о заключённости, механизм публичности – противопоставимость, а пропорциональный фильтр – справедливость вмешательства в имущественную сферу должника. Практика Верховного Суда и Конституционного Суда уточнила границы обязательственно-правовой природы взыскания по ипотеке, арбитрабельность соответствующих споров и пределы внесудебных механизмов. При этом сохраняющаяся диспозитивность учёта залога движимых вещей в РУЗДИ остаётся источником конфликтов на линии «залогодержатель – добросовестный приобретатель». Перевод учёта в разряд обязательного для непосessorных залогов, с оговорёнными исключениями и переходными положениями, гармонизирует частноправовую автономию и публичные интересы оборота, устраняя асимметрию рисков и подтверждая функциональную роль залога как эффективного и предсказуемого инструмента обеспечения.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // Собрание законодательства РФ. 20.07.1998. № 29. Ст. 3400.
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 31.07.2025) // Ведомости СНД и ВС РФ. 11.03.1993. № 10. Ст. 357.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8.
5. Определение Верховного Суда РФ от 03.02.2015 № 306-ЭС14-3358 по делу № А55-4432/2012 // СПС «Консультант Плюс».
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 4.
7. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга 1. Общие положения. Москва: Статут, 2020. 847 с.
8. Иванова Ю. Несоразмерность залога сумме обязательства: что будет с обеспечительной функцией. URL: https://probankrotstvo.ru/articles/nesorazmernost-zaloga-summe-obiazatelstva-cto-budet-s-obespecitelnoi-funkciei-555?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 28.06.2025)
9. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Москва: Статут, 2020. 455 с.
10. Пьянкова А.Ф. Обеспечение баланса интересов залогодателя и залогодержателя в случае явной несоразмерности стоимости имущества сумме долга // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 293 – 300.
11. Харитонов Ю.С. Залог в нотариальной практике / Федеральная нотариальная палата, Автономная некоммерческая организация, Центр научно-методического обеспечения нотариальной деятельности. Москва: [б. и.], 2019. 95 с.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 31, 2025). Collected Legislation of the Russian Federation. December 5, 1994. No. 32. Art. 3301.
2. Federal Law of July 16, 1998 No. 102-FZ (as amended on July 31, 2025) "On Mortgages (Real Estate Pledges)". Collected Legislation of the Russian Federation. July 20, 1998. No. 29. Art. 3400.
3. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on February 11, 1993, No. 4462-1) (as amended on July 31, 2025). Vedomosti SND and the Supreme Court of the Russian Federation. March 11, 1993. No. 10. Article 357.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2023, No. 23 "On the Application of Rules on the Pledge of Things by the Courts". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. No. 8.
5. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of February 3, 2015, No. 306-ES14-3358 in Case No. A55-4432/2012. SPS "Consultant Plus".
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 26, 2011 No. 10-P "On the Case Concerning the Verification of the Constitutional Validity of the Provisions of Clause 1 of Article 11 of the Civil Code of the Russian Federation, Clause 2 of Article 1 of the Federal Law "On Arbitration Courts in the Russian Federation", Article 28 of the Federal Law "On State Registration of Rights to Real Estate and Transactions Therewith", Clause 1 of Article 33 and Article 51 of the Federal Law "On Mortgages (Pledges of Real Estate)" in Connection with the Request of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation". Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2011. No. 4.
7. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract Law. Book 1. General Provisions. Moscow: Statut, 2020. 847 p.
8. Ivanova Yu. Disproportionality of the Collateral to the Amount of the Obligation: What Will Happen to the Security Function. URL: https://probankrotstvo.ru/articles/nesorazmernost-zaloga-summe-obiazatelstva-cto-budet-s-obespecitelnoi-funkciei-555?utm_source=chatgpt.com (date of access: 28.06.2025)
9. Pokrovsky I.A. Main Problems of Civil Law. Moscow: Statut, 2020. 455 p.

10. Pyankova A.F. Ensuring a Balance of Interests of the Pledgor and the Pledgee in the Event of a Clear Disproportionality of the Value of the Property to the Amount of the Debt. Perm Legal Almanac. 2018. No. 1. P. 293 – 300.

11. Kharitonova Yu.S. Collateral in Notarial Practice. Federal Notary Chamber, Autonomous Non-Commercial Organization, Center for Scientific and Methodological Support of Notarial Activity. Moscow: [b. i.], 2019. 95 p.

Информация об авторах

Скворцова Т.А., кандидат юридических наук, доцент, ORCID ID:<https://orcid.org/0000-0001-9605-0966>, Ростовский государственный университет путей сообщения; профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), tas242@yandex.ru

Моисеенко А.В., Ростовский государственный университет путей сообщения, moiseenkoaleksandr65@gmail.com

© Скворцова Т.А., Моисеенко А.В., 2025